

Парадокс № 1. А кто такая Нора Галь? Далеко не всякий скажет. А ведь одну из ее главных работ читали все. Кто же в нашей стране не знает «Маленького принца»? Да, конечно, это Антуан де Сент-Экзюпери. Но прекрасный французский писатель-летчик, кажется, не писал на русском языке? Увы, у нас не очень принято замечать переводчика.

Тем не менее одна из статей о Норе Галь называлась так: «Благодаря ей Маленький принц заговорил по-русски». А замечательный наш актер Евгений Леонов в своей книге «Письма сыну» рассказывает о знакомстве с Норой Галь: «Это такая удивительная женщина, что ее в самом деле можно назвать мамой Маленького принца». И с его легкой руки еще одна статья о Норе Галь называлась «У Маленького принца в Москве жила мама».

Парадокс № 2. Если же Нору Галь знают, то именно как переводчицу. Однако, пожалуй, главная книга в ее творческом наследии — не перевод.

Да, Нора Галь переводила и с французского, и с английского. Отдала этому необходимому для любой культуры, но незаметному труду более полувека. Переводила и классику: «Одержимый» Диккенса и «Позолоченный век» Твена, «Пища богов» Уэллса и «Смок и Малыш» Джека Лондона, рассказы Брет Гарта, О'Генри, Эдгара По... Но предпочитала тонкую психологическую прозу XX века. Среди ее любимых работ — «Посторонний» А. Камю и «Смерть героя» Р. Олдингтона, «Планета людей» Сент-Экзюпери, «Поющие в терновнике» К. Маккалоу и «Корабль дураков» К. Портер, рассказы Мозма, Сэлинджера, Брэдбери... В ее переводе заново зазвучали блестящие пьесы Пристли «Опасный поворот» и «Время и семья Конвей». Вместе со своей ученицей и другом Р. Облонской перевела «Домой возврата нет» Т. Вулфа и «Убить пересмешника» Харпер Ли — книгу, необходимую в каждом доме, где есть ребенок, подросток.

Полувековой опыт, проникновение в стилистику, манеру самых разных авторов дали Норе Галь богатейший материал для ее главной авторской книги «Слово живое и мертвое». И обыгран этот материал с блеском, с юмором. Тут и драгоценные удачи и находки ее наставников, лучших мастеров. И тревожные раздумья о том, как не надо обращаться со словом. Нора Галь немало редактировала. Дважды вела семинары молодых. И обычные книги читала с карандашом в руках, делала вырезки вопиющих ляпов из газет. Книга возникла прежде всего как крик отчаяния от того, что творят с языком не только нерадивые переводчики, но нередко

и писатели, журналисты, радио, ТВ... Недаром одна из главок названа «SOS!». В книге собраны и разложены по полочкам образчики самых разных преступлений против языка, характерные ошибки и огрехи.

И вот *парадокс № 3*. Казалось бы, эта книга адресована коллегам Норы Галь — переводчикам, шире — литераторам. Четырем прижизненным изданиям Нора Галь дала подзаголовок «Из опыта переводчика и редактора». Уже без нее, в пятом издании, в эпоху рынка, издательство дало более броский подзаголовок «От «Маленького принца» до «Корабля дураков», добавив к незаметному имени переводчицы ее «визитную карточку». Но вот что поразительно — книга привлекла самые широкие круги читателей самых разных профессий, вроде бы никак не связанных с литературой.

Главки из первых двух изданий (1972-го и 1975 года) напечатал популярнейший тогда журнал «Наука и жизнь» с его трехмиллионным тиражом. И посыпались сотни писем. Горячо откликнулись врачи, математики, программисты, даже геологи с Камчатки! Энтузиаст из Абакана, создавший для подростков клуб любителей фантастики, оказывается, тонко чувствует класс перевода: «Пометка «Перевод Норы Галь» воспринималась как некий ориентир, что это следует читать». Многие писали: «Вы так обострили мой слух».

Но парадокс-то в том, что в Москве люди литературные, пишущие, издатели, редакторы зачастую книгу не знают. В литературной студии дама, проработавшая всю жизнь в популярной газете, сама выпустившая свою книгу, слышит имя Норы Галь впервые, переспрашивает, и я ей диктую по буквам! Хотя те, кто знает «Слово живое и мертвое», давно писали маме и до сих пор говорят мне: «Это моя настольная книга».

Это, можно сказать, наглядное пособие. Нередко, как когда-то в тетрадках для школьников — таблица умножения, даны двухколонники: как чаще всего пишут казенным, штампованным газетным языком — и как то же самое можно сказать живо, легко, нестандартно. Раздел «Берегись канцелярита!», раздел «Как кошка с собакой» — ярчайшие примеры несочетаемости слов по звучанию, по стилю, по смыслу, несочетаемости с характером, со страной, с эпохой.

А вот еще парадокс. Тот, кому когда-то повезло раздобыть первое, второе издания «Слова живого и мертвого», услышав о новом издании, («не реагирует», как сказали бы нынче на том же канцелярите, или, как сказала бы Нора Галь, «и ухом не ведет»). И напрасно. Потому что у него уже совсем не та книга! Я рассказывала о книге Норы Галь в нескольких литературных студиях. И вот женщина, сама пишущая стихи, выпустившая уже не один свой сборничек, радостно показывает мне: ей дали наконец почитать «Слово живое и мертвое». А я показываю ей последнее издание — оно в три-четыре раза толще, полнее.

У Норы Галь была традиция: как к каждому новому изданию «Маленького принца» она еще что-то совершенствовала, шлифовала, так и каждое новое издание «Слова живого и мертвого» она чем-то дополняла. Ко второму изданию добавила немало броских примеров, которые подкидывали ей время и читатели, присылавшие вороха, охапки чудовищных ляпов из книг и газет. К третьему изданию, 1979 года, дописала главку «Веревка — вервие простое», о языке научной и популярной литературы. К четвертому изданию создала целый раздел «Поклон мастерам» — главки-портреты лучших наших переводчиков, открывших нам лаконизм Хемингуэя и прелесть звериных языков «Маугли», иронию и сарказм Бернарда Шоу, «свет и сумрак Фицджеральда», очарование Голсуорси и музыку Стейнбека...

А когда Нора Галь не стало, я подготовила еще ряд изданий, считая своим долгом сохранить ту же традицию.

В пятое издание (2001 год), не трогая, естественно, основного корпуса книги, включила ответный «поклон мастеру» — статью Юлианы Яхниной «Три Камю» — анализ творчества самой Норы Галь, сравнение трех переводов «Постороннего».

В шестое издание 2003 года вошел целиком раритетный сборник, который мы с моим сыном выпустили (тиражом двести экземпляров) к восьмидесятилетию со дня рождения Норы Галь. Это и две мемуарные статьи самой Норы Галь: «Под звездой Сент-Экса» — о Сент-Экзюпери в нашей стране и в ее собственной жизни — и «Помню» — о ее работе как критика в довоенном журнале «Интернациональная литература». И ее стихи — и ранние, и неожиданно выплеснувшиеся в последние годы, и шуточные, лишь однажды напечатанные в разделе юмора в «Вопросах литературы». Избранные места из переписки с читателями «Слова живого и мертвого». Самые разные люди просили ее совета, как научиться переводить. Ответы Норы Галь и сегодня могут пригодиться многим, начиная со студентов. Включены и фотографии Норы Галь, и подробный список ее работ как критика, ее переводов, статей о ней, появившихся уже без нее.

А издание 2007 года и следующие вновь пополнены: статьей об автографах ее коллег и друзей, писателей, поэтов на подаренных ей книгах. Тут и Александр Городницкий, и Марк Галлай, Ирина Грекова и Фрида Вигдорова, Даниил Данин и Лев Разгон, Мариэтта Чудакова и Лидия Корнеевна Чуковская... Но подробнее об этом — позже.

Так что обладатель первого тоненького издания в бумажной обложке и не подозревает, что нынешнее одноименное «Слово живое и мертвое» — солидный том с портретом Норы Галь на переплете, в три-четыре раза объемнее и насыщеннее.

Пожалуй, не без парадоксов и судьба Норы Галь. Она поступала в институт семнадцать (!) раз. Рекорд для книги Гиннеса. Что, двоєнница? Проваливалась на экзаменах? Ничуть. Литература с детства была ее призванием. Но она окончила школу в 1929 году. В ту пору не подходило ее непролетарское происхождение. Требовались не ум, не знания, а чистота анкеты. Рабоче-крестьянскому государству дети интеллигенции были не нужны.

А за плечами Норы Галь стояло не одно поколение интеллигенции: врачи, учителя иностранных языков, юристы... Отвечая на вопрос одного из своих читателей, Нора Галь писала о своем прадеде: «Был он врач, как и Н. И. Пирогов, помогал солдатам прямо на поле боя (в Крымскую кампанию), за что и получил «крест на шею» — вероятно, проявил нешуточную храбрость и самоотверженность, если дали ему, притом не православному, столь высокую по тем временам награду. И потом, уже старик, сам отнюдь не богатырского здоровья, он днем ли, ночью ли, в любую непогоду шел к больным... с неимущих денег не брал, и за гробом его шла вся городская беднота». И даже был некролог в городской газете.

Врачом был и отец Норы Галь. Молодым делил с солдатами все тяготы империалистической и Гражданской войн. А потом... Тут возникает еще один парадокс.

На семнадцатый раз настойчивость Норы Галь увенчалась успехом. Поступая по три-четыре раза в год — пробую и МГУ, и МГПИ, — она в 1933 году поступила в РИИН (был такой Редакционно-издательский институт, вскоре его закрыли). Потом ей удалось перейти в МГПИ. Окончила его весной 1937 года. А в конце этого рокового года ее отец был арестован. Угодил в систему Владивостокских лагерей. Поначалу — на печально «знаменитую» Вторую речку, где оборвалась жизнь Мандельштама... Отбив свою «десятку», остался работать терапевтом в Ачинске Красноярского края. В 1950 году — повторный арест. В 1954-м реабилитирован.

Так Нора Галь оказалась дочерью «врага народа». Каким-то чудом она уцелела. Может, помогло то, что отец оставил семью, когда Нора была еще девочкой.

А может, просто даже чудовищные грабли Лубянки сгребали не всех подчистую. Оставались какие-то «колоски» на поле. Ведь даже на самом верху, начиная со «всесоюзного старосты» Калинина, едва ли не в каждой семье кто-то сидел, а остальные вроде как «правили» рядом с вождем-тираном.

Этот парадокс обошелся благополучно. Нора Галь сумела там же в МГПИ закончить аспирантуру, защитила диссертацию о творчестве Артюра Рембо — перед самой войной, в 1941-м. В МГПИ она встретила с Борисом Кузьминым. Он стал ее мужем, моим отцом. Вместе они учились в аспирантуре. Он тоже публиковал свои статьи, в основном об английской литературе. Он погиб в войну, в 1943-м. И только в 1977 году нам с мамой удалось собрать и издать его статьи — о Томасе Харди, Дж. Элиот, Мередите и пр. Название сборнику дала мама: «О Голдсмите, о Байроне, о Блоке...». И конечно, ритм названия навеян любимым маминым Блоком: «О доблестях, о подвигах, о славе...».

В литературе Нора Галь пробовала разные пути. В юности писала стихи. Под всепоглощающим обаянием Блока. Кое-какие полудетские стихи были напечатаны в 1925 году, когда ей было тринадцать, в «Пионерской правде», в журнале «Барaban». Но в целом они были совершенно не созвучны эпохе. В двадцать три года, в 1935 году, появилась ее первая проза — «Повесть о друзьях» в журнале «Молодая гвардия»: о непростом вхождении неординарной личности в средний студенческий коллектив. И в том же журнале через несколько номеров разгромлена стандартным ходом — «письмами читателей» — за «интеллигентщину». Хлесткий ярлык. Путь к собственному творчеству был перекрыт.

С 1936 года Нора Галь активно печатает статьи о новинках зарубежной литературы в журналах «Интернациональная литература», «Литературный критик», «Литературное обозрение». Начало весьма удачное. Первая же ее статья о бельгийском классике Франце Элленсе была замечена, вызвала отклик самого маститого бельгийца. Он писал редактору журнала: «Я получил № 6 «Интернациональной литературы», где напечатана статья, посвященная моему творчеству, и я тотчас же хочу Вам сообщить, какое удовольствие доставила мне эта статья. Она содержательна и не довольствуется тем, чтобы лишь слегка коснуться моего творчества; нет, ей удается проникнуть в него, уловить его основные черты и таким образом дать непредубежденному читателю правильное и полное представление о том, чего хотел писатель. Я хотел бы, чтобы Вы передали автору этого этюда Н. Галь, как я ей благодарен за то, что она сумела так ясно и так четко выделить три основные идеи или, если хотите, три темы моих книг: человек — жертва рока, великое разочарование ребенка перед жизнью и донкихотство, или наивный непосредственный героизм. Автор мог бы ограничиться кратким обзором моих произведений, изложить их сюжеты и всё, но он пошел дальше, что предполагает внимательное чтение. Редкий случай для критика, по крайней мере, во Франции... Я счастлив, что мое творчество было так хорошо понято и постигнуто, и я благодарю автора за его труд».

Надо думать, молодые критики не были избалованы подобными отзывами. Товарищ Норы Галь по кафедре всемирной литературы МГПИ Тамара Мотылева даже опубликовала об этом заметку «Успех аспирантки» в институтской многотиражке «Педвузовец».

Тем не менее и на этом пути Нора Галь чудом уцелела. Уже в 2003 году историк литературы А. В. Блюм установил, какую бурю едва не подняла ее рецензия на книгу Дж. Оруэлла «Диккенс, Дали и другие», напечатанная в «Литературной газете» в 1947 году. Это было первое упоминание Оруэлла в советской печати. И одно это уже было крамолой. Некий писательский чин из Иностранной комиссии пересылает сигнал другому высокому чину, тот — третьему: «Как Вы считаете,

нет ли смысла поставить этот вопрос на Секретариате?» Чудом обошлось. Критика Нору Галь не пригвоздили к позорному столбу, не навешали смертельно опасных ярлыков. Наверно, она успела проскочить до начала охоты на «безродных космополитов». Но ясно было, что и тут она не ко двору.

Так власти выдавили ее в перевод. В эту тихую пристань вынужденно укрылись тогда многие, кто не хотел петь хором, начиная с Пастернака, Ахматовой, Арсения Тарковского, Марии Петровых...

К счастью, тут Нора Галь и нашла себя. Перевод стал не просто убежищем, чтобы выжить, а призванием.

Правда, и перевод не был уж такой «тихой заводью». И сюда достигали плети и розги бдительной советской цензуры. У меня есть отдельный список — «Зал ожидания». Это переводы Норы Галь, которые ждали своего часа сорок, тридцать, двадцать, тринадцать лет.

Так, в 1943 году, когда Франция была захвачена Гитлером, «Интерлит» уже не мог давать рецензии на французские книги. Отчасти и из перестраховки: неизвестно, как кто из писателей поведет себя в оккупации. И Норе Галь предложили переключиться на англичан. Самоучкой она выучила английский. И ей дали одну из первых книг о войне — роман «Крысолов» Невила Шюта, написанный в 1942 году. В 1943-м Нора Галь перевела эту сильную книгу. Историю старика англичанина, который через оккупированную Францию выводит из-под бомбежек стайку детей самых разных национальностей. По дороге к нему прибиваются новые осиротевшие жертвы войны. К малышам англичанам и французам прибавились поляк, и голландец, и даже малышка немка...

Евгений Леонов, которому Нора Галь дала прочесть рукопись, в своих «Письмах сыну» признавался, что плакал над «Крысоловом». «Роман как будто написан для экрана, вот бы догадались сделать фильм, я бы с радостью сыграл роль старика. Впрочем, такую роль каждый захотел бы сыграть». И этот роман сорок лет не пускали в печать. Из-за чего? Старик хотел устроить детей после всех трудностей и опасностей дороги не в Лондоне, который тоже бомбят, а переправить их за океан, к своей дочери — жене состоятельного американца. Как можно — представлять Америку в хорошем свете! «По милости такой вот логики добрый и мудрый странник-крысолов долгие сорок лет прозябал, забытый, у меня в шкафу — до публикации летом 1983 года в журнале «Урал», — пишет Нора Галь в статье «Помню». Да и тогда в журнале появился вариант сокращенный. Полного издания романа Нора Галь так и не дождалась, не успела взять в руки — оно вышло в конце 1991 года, через несколько месяцев после смерти переводчицы.

Больше тридцати лет ждал отдельного издания роман Декстера Мастерса «Несчастный случай». Он мелькнул в журнале «Иностранная литература» в 1957 году, книжкой вышел в 1989-м. Это роман о гибели американского физика из-за аварии в атомной лаборатории. Если бы эта трагическая книга была вовремя издана массовым тиражом, если бы ее прочли все наши физики от студентов до академиков — может, не было бы Чернобыля.

Двадцать лет ждал издания роман Артура Кларка «Конец детства». Нора Галь очень любила фантастику. Перевела роман Клиффорда Саймака. Там цензура порезвилась только над названием. Оригинальное название у Саймака — цитата из Библии: «Всякая плоть — трава». В советские времена о библейском названии нечего было и думать. До перестройки роман выходил под названием «Все живое...». Уже без Норы Галь удалось восстановить подлинное название. А вот роман Кларка и некоторые другие фантастические рассказы, возможно пугавшие мрачными пророчествами, подолгу ждали своего часа. Ведь Нора Галь нередко переводила без официального заказа, для души, для друзей.

(Кстати, именно так, для друзей, она перевела когда-то и «Маленького принца», он очаровал ее с первого чтения. И ее самый близкий друг Фрида Вигдорова почти год обходила десяток московских журналов — нигде не брали! Тогда это был ярлык — «абстрактный гуманизм». И, наконец, журнал «Москва» после хлопот друзей рискнул.)

А вот огромный роман Кэтрин Энн Портер «Корабль дураков» Нора Галь перевела по официальному договору с издательством — и все же ее труд пропал зря тринадцать лет. Какому-то высокому чиновнику не понравилась по фильму-экранизации нелюбимая им еврейская тема (кстати, отнюдь не главная в этом сильном антифашистском фильме). Фильм даже не шел тогда у нас в открытом прокате, лишь мелькнул на кинофестивале. Но надолго перекрыл дорогу изданию.

Эти серьезные, значительные книги с трудной судьбой, дорогие сердцу Нору Галь, увы, не вошли в рыночную обойму. И вот еще один парадокс: у нас часто неизвестны не только книги, но и их авторы, хотя фильмы по этим книгам обошли весь мир. Фильм «Корабль дураков» снял великий режиссер Стэнли Крамер. И в нем играли прославленные актрисы Вивьен Ли и Симона Синьоре.

В книгу Невила Шюта вместе с «Крысоловом» вошел и второй роман, «На берегу». По нему снял фильм «На последнем берегу» тот же Стэнли Крамер. А сыграл там ученого-атомщика — не удивляйтесь — великий танцор Фред Астер. Снялись там и знаменитая Ава Гарднер, и великолепный Грегори Пек. Он же играл и в любимом маминем «Убить пересмешника». Причем этот блистательный актер, покоривший все вершины еще в «Римских каникулах», незадолго до смерти, итожа свой путь, признавался в интервью, что самая любимая его роль — именно мужественный и мудрый Аттикус в «Убить пересмешника».

Но самое поразительное — и по «Крысолову», в котором мечтал сняться Евгений Леонов, было поставлено даже два фильма. Один — по горячим следам, прямо в 1942 году. Второй — в 1990-м, и сыграл в нем легендарный, неотразимый Питер О'Тул. Но, увы, эти фильмы, а иногда — только слухи о них, в прежние времена доходили до нас с трудом и с большим опозданием.

Надо отдать должное Норе Галь, ее вкусу, ее снайперскому выбору — сколько мировых шедевров она предугадала. Да, в переводе Нора Галь нашла свое призвание. А признание? Это не всегда совпадает.

Увы, это в последние годы появились премии переводчикам. Для переводчиков с французского — премия имени Мориса Ваксмахера. Кстати, он высоко ценил Нору Галь. Вместе они готовили первый однотомник Сент-Экзюпери 1964 года. Свою книгу «Французская литература наших дней» Ваксмахер подарил ей с надписью: «Милой Норе Яковлевне с глубоким уважением и самыми добрыми чувствами. Май 1968». Думаю, будь он жив и распоряжайся сам этой премией, он бы уж непременно наградил ею Нору Галь в категории «За честь и достоинство», как принято у коллег.

Но парадокс в том, что за те полвека, когда трудилась Нора Галь, даже в рецензиях на иностранные книги не всегда упоминали имя переводчика. Частенько мама вспоминала давнее свое присловье: «Конечно, Федя Драйзер писал по-русски».

Едва ли не редкое исключение — Даниил Данин в своей книге «Перекресток» пишет о романе Декстера Мастерса: «Роман опубликован... в блестящем переводе Н. Галь и Н. Тренивой». И это такое уникальное событие, что Данин отмечает его в надписи на своей подаренной Норе Галь книге: «Дорогой Норе Яковлевне Галь — от благодарного читателя, что и удостоверено на стр. 215 этой книжки...»

Конечно, в узком кругу коллег знали ей цену. Переводчики лучшей в нашей стране школы Кашкина, мэтры скоро приняли Нору Галь в свой круг, на равных. Нина Леонидовна Дарузес дарит ей свой прелестный перевод «Маугли», на ко-

тором выросли многие поколения юных читателей, с надписью: «Дорогой Норе дань любви и уважения к таланту». Это 1972 год.

А Мария Федоровна Лорие на своем переводе Айрис Мердок «Под сетью» пишет: «Дорогой Норе — на строгий суд». Это 1966 год — задолго до появления «Слова живого и мертвого», после которого Нора Галь для многих читателей стала признанным авторитетом, строгим критиком разнообразных преступлений против языка. Среди собратьев по цеху у нее давно была репутация взыскательного мастера.

Этот мотив звучит в надписях на книгах, подаренных ей самыми разными переводчиками: «...строгую критику...», «строжайшему моему критику...», «...с благодарностью за бережное внимание и строгую взыскательность...», «Мастеру от подмастерья», «Подвижнице родного Слова...», «...на строгую критику и поучение», «Просьба выяснить, живое или мертвое это слово». Так, не стовариваясь, авторы надписей единодушно воссоздают облик взыскательного мастера.

И не только переводчики. Вот автограф Михаила Рощина: «Дорогая Нора Яковлевна! Пользуюсь случаем выразить Вам свое преклонение Вашей огромной культурной работой на благо несчастного нашего Отечества. Когда-нибудь я Вам тоже докажу свою любовь к американской (замечательной) литературе. Желаю Вам здоровья и многих книг. авг. 88».

«Решаюсь предстать перед Вашим взыскательным судом, потому что писал эту книжку от души, без фальши», — это В. П. Лукьянин, редактор журнала «Урал», напечатавший «Крысолова».

А вот голоса поэтов. В молодости бывал у Норы Галь Александр Городницкий. Посвятил ей свое стихотворение «Экзюпери». Надпись на одной из его ранних книг: «Дорогой Норе Яковлевне с любовью и уважением — моему главному Редактору».

Грузинский поэт Михаил Квливидзе пишет: «Норе Яковлевне, которая очень хорошо знает, что такое перевод (спасибо за «Маленького принца»!), а потому — сквозь эти переводы сумеет прочесть оригинал...» И он же — через восемнадцать лет: «Творящей чудо перевода — Норочке Галь — с уважением, поклонением и, наконец, просто по-дружески».

Дар Льва Разгона. Нора Галь была среди первых — не читателей еще, а слушателей его лагерных рассказов, когда не было и надежды, что эту страшную правду когда-нибудь напечатают. И вот появился «пробный шар» — маленькая книжечка «Библиотеки «Огонька», первые четыре рассказа из будущего тома «Непридуманное»: «Дорогой Норе Яковлевне — первому рецензенту этих рассказов. С признательностью и старой любовью».

С Марком Галлаем свела Нору Галь общая любовь к Сент-Экзюпери. Они познакомились на вечере в честь семидесятилетия французского писателя-летчика, в 1975 году. А в 1986-м знаменитый наш летчик-испытатель, наставник первых космонавтов, а затем известный прозаик, дарит Норе Галь редкое французское издание «Маленького принца», выпущенное издательством «Галлимар» в 1946 году: «Глубокоуважаемая Нора Яковлевна! Эту книжку, заботливо отреставрированную, мне подарил мой старый друг, ветеран полка «Нормандия — Неман» Константин Фельдзер. По праву она должна принадлежать Вам, так много сделавшей для того, чтобы книги Сент-Экзюпери вошли в наш круг чтения...»

Дарили Норе Галь свои книги с уважительными надписями и замечательная переводчица с японского Вера Николаевна Маркова, и болгарский исследователь перевода Сидер Флорин, литературоведы А. Аникст и Е. Таратута, Ю. Кагарлицкий и Лев Озеров...

Но это все — признание камерное, домашнее. Профессионального анализа работа Норы Галь удостоилась только один раз. В сборнике «Мастерство перевода»

1971 года Юлиана Яхнина сопоставляет три перевода «Постороннего» А. Камю — парижский перевод Георгия Адамовича и два московских. Статья эта, давно забытая, теперь включена в последние издания «Слова живого и мертвого».

Поразительно наглядно, на атомах, на микроэлементах текста прослежено, как по-разному передают три переводчика мелодию книги, неповторимую интонацию мастера французской прозы. Это три разных взгляда, три разных понимания характера героя, стиля автора. За каждой интерпретацией — личность переводчика, его вкус и опыт, его чутье и пристрастия. Переводчик — первый толкователь автора. От того, как переводчик проникнет в замысел автора, зависит выбор каждого слова, строй фразы, самые малые мелочи. Все до знака подчинено главной задаче — вжиться в образ, в ощущения героя, заставить нас видеть, думать и чувствовать с ним заодно. Ю. Яхнина показывает, как Нора Галь сумела в каждой интонации, трактовке сложного, необычного персонажа передать стиль Камю, который французский исследователь Ролан Барт определяет термином «нулевой градус письма» — отстраненный, как будто безэмоциональный... Вывод Яхниной из кропотливого анализа: «Нора Галь лицом к лицу встречает тревожную, необычную, очень XX века прозу Камю. Нехотя, преодолевая свою привычную замкнутость, «некоммуникабельность», говорит с нами ее герой. Он не приукрашивает своих чувств, не делает попытки что-нибудь объяснить или оправдать... Нора Галь избирает «нулевой градус письма», тем безжалостней ставя читателя перед всем комплексом нравственно-философских проблем повести». Другая переводчица, в основном занимавшаяся классической литературой, делает попытку «разрешить «загадку» героя, смягчить то мучительное нравственное противоречие, которое возникает при чтении повести... Это попытка «очеловечить» героя, извинить его, приблизить к нормам людского общежития, которые он нарушает». Ее герой сродни героям XIX века и его классической литературы. Такому прочтению соответствует плавность закругленной фразы, эмоционально окрашенная лексика, весь интонационный строй текста». У этой переводчицы «полновесные, широкие по ритму фразы, они напевны и подробны». Ю. Яхнина отмечает стремление «к уточнению, детализации, расширению фразы и к стягиванию, усилению сдержанности, «бессловесности» у Н. Галь». Отмечает «сжатость, упругость фразы». У нее «динамичная фраза... при своей внешней сдержанности полна какой-то скрытой тревоги». Нора Галь «как бы спорит в лаконизме с самим автором». Недаром она любила говорить: «Я двадцатница».

«Переводчики, вчитываясь, вслушиваясь, вживаясь в текст, видят за ним разные цвета, разные движения, они по-разному ощущают запахи, им слышатся разные звуки, метафора вызывает у них разные ассоциации... чувствуют в повести разный подтекст». Выбор слов, ритмический рисунок фразы у Галь подчеркивает «отстраненность», отрешенность героя, его чуждость всем и всему. Это истинно «некоммуникабельный» человек века, рвущего связи. Именно это явление едва ли не первым открыл Камю, озадачив публику и критику своим героем.

Статья Ю. Яхниной — несчастный случай глубокого проникновения в то, как много в нашем восприятии иноязычного автора зависит от ума, такта, глубины его первого толкователя — переводчика.

А ведь и многие другие работы Норы Галь — неоцененный и неоценимый материал для изучения, для дипломных и курсовых работ, даже для диссертаций. Правда, один диплом был защищен в Ереванском университете по переводу «Маленького принца», кое-какие рефераты написаны недавно в МГУ. Но сколько еще драгоценного материала...

К примеру, никогда не выходила отдельным изданием (только дважды в сборниках «Французские повести» и «Здравствуй, грусть: Современная французская

психологическая повесть») повесть маститого академика французской литературы Франсуа Нурирье «Хозяин дома»). Расписана она на два голоса. Два героя, и почти нигде не указывается, кто именно сейчас говорит. Как же виртуозно надо было передать эти два речевых потока, два социальных слоя: рафинированный интеллигент — и маклер, помогавший ему купить дом. Контрапункт разных характеров. Вот крохотный образчик.

«Что узнаете вы о том часе, когда в медовом свете утра еще тянутся косые тени? Что узнаете вы о ярости, которая овладевает плененным во дворе ветром? О жестокости багряных зимних вечеров? О хрупких магнолиях, лаврах, соснах в саду? О мгновеньях в ночи, когда меж двумя вскриками ветра ночь и тишину населяет невнятное бормотанье сквозь сон...» И — другой голос: «Не толкуйте вы мне про деревни. Уж я-то знаю, что говорю. Никто больше не желает киснуть в такой богом забытой дыре... Что ж, ладно, не мне об этом горевать... А вот его я никак не пойму. Ну что ему вздумалось зарыться в такой дыре? Хоть убейте, не понимаю. Да пусть меня повесят».

Вы скажете: «Да ведь так у автора». Но как передать автора на другом языке? А можно очень по-разному.

Конечно, и «Маленького принца» мы полюбили прежде всего благодаря обаянию самого Антуана де Сент-Экзюпери. Но, чтобы его прекрасные мысли зазвучали на другом языке так звонко, афористично, вошли в наш постоянный обиход, ему нужен был равный партнер. Ведь могло и не сложиться.

Как часто мы повторяем заповеди Сент-Экса: «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил», «Зорко одно лишь сердце»... По-французски это звучит так: «On ne voit bien qu'avec le coeur». Дословно: «Не видят никак, кроме как сердцем». Вошло бы это в поговорку, в память, в сердце — в таком косноязычном виде? А Нора Галь «вывернулась», как в математике, «от противного». Кстати, этот ее любимый прием нередко выручает в трудных случаях. Вот еще пример, приведенный в «Слове живом и мертвом». Это из очень любимой Норой Галь книги «Убить пересмешника». Буквально: он оставил his big brother's attitude — «свое старшебратское отношение». По-русски невозможно! И опять вывернулась «от противного»: «перестал покрикивать на сестру как на маленькую».

Другой любимый прием Норы Галь — инверсия. Как ни странно, за него порой приходилось бороться.

Вот Летчик взволнован: плачет Маленький принц. «Как догнать его душу, ускользающую от меня?.. Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слез». И в этой крохотной паузе — ожидание, тайна, загадка. В редакции заспорили: почему сначала определение неизвестно к чему, потом — подлежащее? Предложили порядок самый простой: «Ведь страна слез такая таинственная и неизведанная». Все ясно, прямолинейно, как в учебнике. «...А скрытое в этих словах волнение при такой перестановке погасло. Не осталось ни таинственности и неизведанности, ни грусти — ничего, что так важно для настроения автора и героя», — пишет Нора Галь в разделе «Буква или дух?».

Так же выручает инверсия в заглавии рассказа Рэя Брэдбери «Были они смуглые и золотоглазые». Тут и по-английски инверсия, и в ней — поэтичность, музыкальность, певучесть, напевность. В прямом порядке — сухая информация.

«Слово живое и мертвое» — копилка таких маленьких секретов и находок мастера.

Кажется, это просто?

Да, когда каждое слово выверено, отточено, как в «Маленьком принце», кажется, что все просто, иначе и сказать нельзя.

Оказывается, очень даже можно. Словно для наглядного сравнения некое издательство — когда перевод Норы Галь, можно сказать классический, существовал без малого полвека и каждый год переиздавался, вздумало выпустить другой перевод. Может быть, лучше? Совершеннее? Взгляните.

Там, где у Норы Галь герой рисует удава «снаружи и изнутри», у нового переводчика удав «в профиль и в разрезе». Б-рр! Как ножом по стеклу. Это же надо додуматься — в книжке для детей резать удава. Да, конечно, она не только для детей. Ну так взрослому это напомнит какие-нибудь технические чертежи, станок в разрезе. Тоже не слишком подходит для поэтической сказки.

Там, где у Норы Галь (вслед за автором) спокойное «сказал», «спят», «плакать» — у лихого нового переводчика: «они дрыхнут», «ты будешь реветь», «гаркнул я»... Если у Норы Галь Летчик смотрел на внезапно явившегося в пустыне малыша во все глаза, то новый переводчик пишет: «вытаращив глаза». Боюсь, в таком стиле кухонной свары, базарной перебранки мы бы не полюбили эту прелестную французскую сказку. Можно было ее погубить для русского читателя.

Так что это очень обманчивое впечатление: что все просто и иначе сказать нельзя.

А с другой стороны, свой, казалось бы, уже совершенный, классический текст Нора Галь к каждому переизданию еще и еще шлифовала. Секрет своей работы она открывает в «Слове живом и мертвом»: «Стараясь отыскать взамен безличных, нейтральных слов... слова образные, более редкие. Не «достану воды», а «зачерпну»; перед пьяницей не армии бутылок, а полчища. Вместо «в тишине что-то светится» — «тишина словно лучится». Образ розы не сияет, а тоже лучится в «Маленьком принце». Лис вздыхает: ничто не совершенно. Но наш зверь склонен философствовать, поэтому раскрыта суть этого разочарованного вздоха: «Нет в мире совершенства».

Именно в таком виде этот афоризм и вошел в наш обиход. И тут угадываешь, как в подтексте мастерства — фундамент мировой культуры, от Шекспира до Толстого, вошедшие в плоть и кровь чеканные формулы: «Нет в мире виноватых», «Виновных нет, поверь, виновных нет».

Да, Нора Галь чуть не каждые три года перечитывала классику — Тургенева, Чехова... Была пропитана поэзией. И поэзией нередко себя проверяла в трудных случаях. В «Планете людей» Сент-Экзюпери в облике летчика-ветерана после непомерно напряженного полета «из грубой оболочки на миг просквозил ангел, победивший дракона». В редакции заспорили: так нельзя, так не говорят! И выручила ссылка на памятные строчки Блока:

*Из невозвратного далека
Печальный ангел просквозит.*

Да, именно пропитанность культурой помогала Норе Галь вступать на равных в диалог и с Сент-Экзюпери, и с Камю, и с другими классиками литературы XX века. «Переводчик не исправляет, не украшает автора, а отдает в его распоряжение все средства своего родного языка, всю его гибкость и многоцветье. Ведь писатель иной страны свободно владеет всеми богатствами своего языка. И пиши он по-русски, он бы, конечно, пользовался не каким-то нейтральным пресным языком с вымученным школьно-гладким синтаксисом и бескрылой, безликой лексикой, а всем арсеналом русских инверсий, речений, образов».

Истинное наслаждение этим богатством — «Поклон мастерам». Вот как дарит сокровища русских речений Хемингуэю Вера Максимовна Топер в «Фиесте»:

Дословно было бы:
Куда я смотрел?
За неимением лучшего
Поступила не лучшим образом
Что за утро?

В живой речи героев:
Где были мои глаза?
На безрыбье и рак рыба!
Зря это она!
Ну и утречко!

Да и не только в речи, живая вся ткань: не вышел, а отлучился, не шутили над ним, а подтрунивали, не просто согласился, а поддакнул, не просто шел позади, а по пятам...

комната была в беспорядке
она должна ждать неприятностей
уж так я сделана
типичный торреро
импульс бесить его

было все вверх дном
это добром не кончится
уж такая я уродилась
торреро чистойшей воды
меня подмывало бесить его

Открытие Хемингуэя было огромным событием для нашей современной литературы. Его лаконичный стиль повлиял на многих наших писателей. Но «не без вины» тут и переводчик!

Да, богат и прекрасен русский язык. Но недаром еще в 1972 году одна главка «Слова живого и мертвого» называлась «Куда же идет язык?». Говорим ли мы сейчас на русском языке? По телевизору объявляют: «Первая часть фильма — саспенс, вторая — экшн». Мне звонит знакомая, не гуманитарий: «Что это значит?». Каждое второе слово из газет нынче надо бы переводить. Но как? Я читаю газеты вместе с маминной ученицей и соавтором перевода Харпер Ли «Убить пересмешника», Томаса Вулфа «Домой возврата нет». Каждый день встречаем слово, которого не понимаем. Ищем в семнадцатитомном словаре русского языка — нет. Частенько и в словаре иностранных слов — нет. А ведь и эти словари далеко не у каждого в доме. Иногда буквально приходится лезть в трехтомный англо-русский словарь. Да, тридцать лет назад Нора Галь писала: «Скоро мы не сможем читать по-русски без помощи английского словаря». Но тогда это все-таки было «фигурой речи», сейчас — печальная реальность.

Да, еще тридцать лет назад Нора Галь придумала термин для нашего «новояза» — «амрусский». По аналогии с тем, как во Франции, борясь против засилья английского, окрестили современный гибридно-жаргон «франглийским».

Это портит наш язык по двум линиям. Во-первых, забываются, вытесняются из обихода драгоценные сокровища русского языка. Мы отвыкаем от них, разучиваемся с ними обращаться. Отсюда — прямая безграмотность и ошибки. Во-вторых, вводимые новинки мы понимаем смутно-приблизительно, отсюда в обращении с иностранными словами — тоже безграмотность и ошибки.

Ошибки и того, и другого сорта в изобилии приведены в книге «Слово живое и мертвое». Причем то, что в первых изданиях казалось вопиющим исключением, теперь так примелькалось, что не каждый сразу и поймет, в чем дело.

Даже с иностранными словами предыдущей волны хватает недоразумений и ошибок. Вот перл из романа о Первой мировой войне: «Офицер ощупал карманы своей туники». Какие у античных туник карманы? И какие туники в 1914 году? Просто переводчик механически перенес «знакомое» слово. А tunic — это попросту мундир. «Локаторы — прототипы ушей животных». Тоже слово «знакомое»? Только с точностью до наоборот. Все же природа изобрела уши животных несколько пораньше, чем человек — локаторы.

А ведь ясно, что «прото» — то, что первоначально, первично. Но даже блестящий писатель-стилист в одном интервью обмолвился: «Наташа Ростова —

прототип сестры Софьи Андреевны Татьяны». Ясно же, что наоборот, Татьяна Берс послужила источником, образцом, с которого частично срисована героиня Толстого. И это уже становится типичной ошибкой: «внутренние интерьеры» (а какими еще быть?), «ведущие лидеры» (еще одно «масло масляное»), «небольшие миниатюры»... Встречая французское *choquer* — механически перепируют «шокировать». Но всегда это воспринималось, и словарь подтверждает: «ставить в неловкое положение, вызывать неприятное чувство несоблюдением общепринятых норм приличия». Шокирована, скорее, какая-нибудь тетушка Форсайт, если гость пришел не в цилиндре, а в мягкой шляпе. А если политик «шокирован» взрывом, терактом, «гестаповскими порядками подавления демонстрации» — уж, наверно, он потрясен, возмущен.

А с другой стороны, каждое иностранное слово вытесняет десятки своих, родных.

Пишут: «Фея творит чудеса ударом волшебной палочки». Потому что забылось «мановением». Или уж хотя бы «взмахом».

Пишут: «Душа разрешается от тела», забыв, что разрешается женщина от бремени, а душа от тела отрешается.

Пишут: «Футболисты относятся к чужим успехом ревностно». Перепутали! К чужим успехам можно относиться ревниво. А вот к своим надо бы ревностно, ибо это значит: с рвением, усердием! Но это ошибка, редкая ко времени первых изданий книги Нора Галь, теперь практически постоянная.

Пишут: «Летчики ощущали себя землепроходцами». Все же — «первопроходцами».

Пишут: «облокотив лицо на руки», «облокотясь задом на стол» — ибо уже не слышат внутри слово «локоть», путают с «опираясь». Путают откровенность обыкновеную, бытовую с более возвышенным откровением, отнюдь не всюду уместным.

Какая-то всеобщая глухота к слову. Не переводчик, писатель выводит: «Где-то в вышине, ровно в преисподней...». — «Спокон веку преисподняя все же находилась у нас под ногами, глубоко внизу», — напоминает Нора Галь. «Это и есть оборотная сторона канцелярита: язык утрачивает краски, понемногу забываются, выпадают из обихода образные, полнозвучные, незатрепаные слова», — бьет она тревогу.

Их вытесняют слова иностранные.

И даже если мы к ним вроде уже привыкли, лучше заменить родными, — показывает Нора Галь.

*ощутил депрессию
загорелся оптимизмом
смотрит пессимистически
повинуясь импульсу
потерял контроль
безрезультатно
конфиденциально
она командует ситуацией
инстинкт*

*пал духом
воспрянул духом
сквозь черные очки
побуждению, порыву
потерял голову, самообладание
напрасно, тщетно, зря
без огласки, без шума
она хозяйка положения
шестое чувство, чутье, внутренний голос*

А теперь? Такой лавины иностранных слов, как ныне, Нора Галь и не представляла. Это зачастую просто английские слова, написанные русскими буквами. Да, конечно, наука, техника постоянно приносят новые термины. Так когда-то их приносил спорт. Но ведь были голкиперы и хавбеки — их прекрасно заменили вратари и полузащитники. Кто-то об этом думал. Прекрасное исконно русское «вратарь», может быть, так прочно вошло и благодаря фильму и песне: «Эй, вратарь, готовься

к бою...». Да, кто-то должен думать. Когда-то новые слова изобретали для русского языка Карамзин, Достоевский, Лесков. И Маяковский не зря писал о Есенине: «У народа у языкотворца умер звонкий забулдыга-подмастерье».

А сейчас? «Некогда думать, некогда...» И некому. Казалось бы, есть Институт русского языка. Но вот на телевидении вещает дама из этого института. За полчаса она раз пять-шесть повторила: «Русский язык — это бренд». Бедный, бедный Тургенев. Для него русский язык — «надежда и опора». Ищем «бренд» в семнадцатитомном словаре — нет. Наконец в Иностранном словаре новейшем: «торговая марка». Мы торгуем русским языком? Поневоле вспоминаешь трагический фильм «Все на продажу». И сонет Шекспира:

*Я не хочу хвалить любовь мою —
Я никому ее не продаю.*

И, кстати, очень уважаемого мною ведущего этот «бренд» нисколько не смущил. И в других передачах, вроде бы радеющих о русском языке, имя Норы Галь ни разу не прозвучало. Ее книгу, в отличие от геологов, никто из специалистов, видимо, не знает.

А вот Медиацентр газеты «Известия» (казалось бы, и ему пристало заботиться о русском языке) с жаром объявляет о фотовыставке из домашних архивов преподавателей и студентов школы журналистики «Известия»: «Отрекаться от прошлого, быть Фомами, родства не помнящими, в наше время просто стыдно. Это преподаватели Школы «Известий» популярно объясняют и своим ученикам — десяти-, одиннадцатиклассникам». О боги! Эту вырезку из «Вечерней Москвы» мне приносит дочь маминой подруги, сама технарш (как когда-то слали маме подобные перлы со всей страны). Обводит красным этот абзац. Но все ли многочисленные читатели газеты, особенно молодые, те же десяти-, одиннадцатиклассники, сумеют разлепить этот «слонопотам», где слились воедино Фома неверующий и Иван, родства не помнящий? Или поверят солидной газете и так и запомнят на всю оставшуюся жизнь? Этот перл так и просится в «Слово живое и мертвое». По градусу бескультурия он достойно соперничает с «Предками Адама». (Пример, давший название главе из книги Норы Галь: два разных переводчика наградили предками единственного человека, у коего предков не было.) А если кто-то бьет тревогу — та же дама из Института русского языка, тот же телеведущий спокойны: язык сам справится, все идет нормально. Но и на это Нора Галь ответила тридцать лет назад:

«Кое-кто пишет: нашему языку никакие нововведения не страшны, все полезное он усвоит, лишнее отбросит, за века ничто не замутило его чистых вод, не замутит и впредь. Но ведь в веках не было миллионных тиражей газет и книг... И не было радио, телевидения, новых источников информации — и, увы, нередко источников порчи языка. А теперь они ежедневно, ежечасно обрушивают на нас водопады, лавины сообщений, новостей — и... тех же канцеляризмов. Со столь мощным потоком уже не так легко справиться. За нынешнее десятилетие промышленность может загрязнить реку сильнее, чем за минувшую тысячу лет. То же и с языком».

Ведь теперь «языкотворец» — уже не народ. А ленивые СМИ, которым проще переписать английское слово русскими буквами, чем подумать.

И вот забавно: я пишу маминему ученику в США, работающему в фирме «Майкрософт»: Интернет. А он в ответном: Сеть. Как хорошо. И как естественно, что в Сети проходят литературные конкурсы — «Тенета» и «Улов». И придумал же кто-то прекрасные слова — «мышь», «скачать». Только надо думать.

А противостоять этой лавине рядовому человеку трудно. Вот еще в одной литстудии женщина дарит мне любительскую книжечку стихов. Есть чувство

языка. Как радуется меня «майская поэмка» — прелестное исконно русское слово. А рядом — чудовищное «Гарантом — обещания твои». И в мирное любовное стихотворение тяжкой поступью командора вторгается «гарант конституции». А почему не сказать — «поручкой»?

Подводя итоги за пятнадцать лет, прошедшие от первого издания книги до четвертого, Нора Галь писала: «Все до единой болезни языка, о которых говорилось в книжке, отнюдь не сходят на нет. Штампы забывают хорошее, живое слово... Пишущие без конца сталкивают друг с другом слова, не сочетаемые по смыслу, стилю, фонетике, по национальной и социальной окраске, по чувству и настроению, калечат исконно русские народные речения и обороты. Особенно щедро, увы, пополняет жизнь главки о том, как назойливо захлестывает нас поток иностранных слов, о том, как отвыкают люди обращаться со словами образными, редкими, об ошибках, вызванных недостатком культуры». Что же делать?

С первого издания прошло уже сорок пять лет. Но этот пассаж из четвертого издания можно и сейчас повторить дословно. Книга Норы Галь становится все актуальнее. Уже и президент озабочен состоянием русского языка. И Дума думает над законом о русском языке. Но когда в России исполнялся закон?

Что же делать?

Я думаю: хорошо бы дать в руки каждому пишущему — студенту и журналисту, редактору и переводчику, радио- и телеведущему — да и обычному читателю, болящему за судьбу родного языка, это неоценимое подспорье — «Слово живое и мертвое» Норы Галь.

